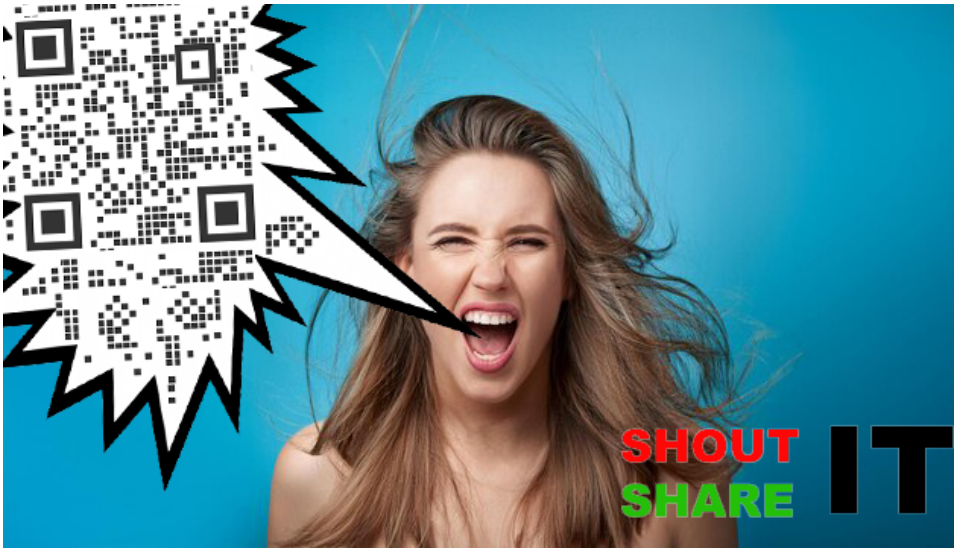
ЖОРЖ САНД

Нравы и обычаи в Берри


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Крестьянин во Франции суеверен, но суеверие это выражается в местных обычаях, происхождение которых определить довольно трудно».

- Нравы и обычаи в Берри
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Нравы и обычаи в Берри
Статья Жорж Санд

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XXXV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1852

Крестьяне во Франции сохраняли привязанность к разным

старым обычаям язычества. Таков, например, обычай воздавать почести изображениям и статуэткам, поставленным на перекрестках, под сводами фонтанов и на плотах. Во многих местах Франции друидические камни пережили римское владычество и владычество франков, не переставая быть предметом почитания и выражением верования особенного и довольно таинственного, скрывавшего свои кабалистические стремления под внешними формами господствующей религии.

Всего труднее, без всякого сомнения, было искоренить из сердца поселян поклонение богу Терм. Поклонение ему неразрывно связано со всем тем, что составляет предмет постоянной заботливости человека, заключенного в тесные материальные границы. Поле, луг, земля — вот весь его мир. Только на этом бедном клочке он считает себя господином. Камень, обозначающий черту, за которой начинается владение соседа, более символ, нежели граница: по понятиям селянина, это предмет важный и священный.

В средних провинциях Франции, где древние обычаи сохранились более, нежели в других местах, уважение к чужой собственности само по себе не имеет большого значения: крестьяне в тяжбах между собой более основываются на уважении к старине, к прошедшему, нежели на правилах честности и справедливости. Никто из них не задумается увеличить исподтишка свое поле за счет беспечного соседа: для этого обыкновенно передвигается и кладется на видное место какой-нибудь камень, так чтобы, в случае нужды, можно было сказать, что он сдвинут и попал на новое место случайно. Обиженный владелец, заметив, что у него отрезали пять или десять борозд земли, приходит в волнение, жалуется и ссылается на свой joux taus (межевой знак и в настоящее время называется латинским словом jus). Собираются свидетели, обнаруживают обман и принимаются отыскивать настоящую границу, древний *терм*: предполагается, что похититель не мог решиться коснуться его, потому что это было бы и святотатство и преступление, несравненно более важное, нежели всякий обман. Редко случается, чтобы не нашли старого межевого знака, который, обыкновенно, есть не что иное, как камень более или менее значительной величины, глубоко врытый в землю дли того, чтобы соха не могла сдвинуть его с места. Камень этот — древнее божество Терм. Чтобы сдвинуть его с места, нужны два условия: скептическая дерзость, на которую человек самый недобросовестный часто не может решиться, и предварительная работа, которая легко может обнаружить намерение похитителя. Нужно идти ночью, взять с собой, кроме сохи, другое орудие,

выбрать время, когда на поле нет работ, для того, чтобы не измять посева, не прервать борозды и таким образом не оставить обличительных следов. Да наконец, и работа эта не всегда легкая: камень тяжел, поднять и перевести его на другое место одному иногда совершенно невозможно; для этого нужен один и даже несколько соучастников, а подвергать себя такой опасности из-за какого-нибудь клочка земли никто не решится.

Когда исследование кончено, когда каждый подал свой голос и все решили, что вот здесь должен быть первоначальный jus, начинают копать и открывают исчезнувшее божество под слоем постоянно возвышающейся почвы. Ложный бог уничтожается и граница снова восстановляется. Похититель рассыпается в уверениях, что он ошибся, что большой камень, мало-помалу отодвинутый на новое место, был причиной ошибки, и что он очень сожалеет о том, что ему не пришло этого в голову прежде. Все это, конечно, навлекает на него некоторое подозрение, но он не коснулся настоящего jus и потому не считается обесчещенным.

Обыкновенно jus выдается из земли на несколько линий и в Воскресение Лазаря украшается освященными вербами, подобно тому, как у римлян он украшался ожерельем или венком из листьев.

Заметим мимоходом, что бывают иногда люди весьма необыкновенные, по тому магнетическому могуществу, которое приписывает им суеверие поселян, или по искусству врачевать недуги, а искусство это состоит по большей части в умении употреблять самые простые снадобья. Но крестьяне охотно принимают от знахарей те средства, которым они не поверили бы, если бы их прописал им настоящий доктор. Голая наука не убеждает ум несведущего селянина: он презирает то, что приобретается изучением и опытом. Ему нужны волшебство, непонятные слова, эффектная обстановка. Старые колдуньи, произносящие свои заклинания с вдохновенным видом, всегда поражают воображение больного, и если лекарке удастся напасть на средство действительное и объяснить, как его употреблять, то родственники и друзья больного непременно позаботятся о том, чтобы все её предписания были соблюдены с точностью, чего они никогда не сделают для настоящего врача.

Без всякого сомнения, правительство поступает весьма благоразумно, преследуя знахарей, потому что средства, предписываемые ими, по большей части чистый яд. Некоторые из них, впрочем, лечат так удачно, что таинственное искусство их заслуживает внимания. Предание или врожденные способности делают их обладателями открытий и тайн, ускользающих от науки и умирающих вместе с ними. Надзирать за ними и

запрещать им лечить справедливо и благоразумно; но в то же время полезно испытывать свойства их целебных снадобий и в случае надобности приобретать их.

Крестьянин во Франции суеверен, но суеверие это выражается в местных обычаях, происхождение которых определить довольно трудно. Они так разнообразны и так их много, что расположить их в порядке решительно невозможно. Мы расскажем один только обряд.

Один из самых любопытных сельских обрядов — *свадебная ливрея*: он совершается различно в разных частях Франции, и лет двенадцать тому назад был уничтожен в Берри вследствие несчастных случаев, которых он почти всегда был причиною. Обряд происходит накануне свадьбы: это длинная и сложная церемония, целая драма, поэтическая и наивная, разыгрывающаяся около дома и в самом доме невесты. Мы сделаем легкой эскиз сценам, которые происходят при этом.

Вечер — время, когда сельское семейство садится обыкновенно за ужин. Но в доме невесты в этот вечер нет ужина. Столы придвинуты к стенам, скатерть убрана, очаг не топится, какая бы погода на дворе ни стояла. Все форточки, двери, окна, чердаки и погреба, если в доме только есть погреба, заперты, забиты, заколочены самым старательным образом. Никто не может войти без позволения невесты или без упорной борьбы, без осады в полном смысле слова. Невесту окружают родные, друзья, соседи, — словом, вся её партия; все ждут нападения жениха.

Молодой жених — иначе он не называется, каких бы лет ни был, и, нужно сказать правду, у крестьян жених по большей части мальчик, у которого на бороде едва пробивается пух — является в сопровождении родных, друзей, соседей, — словом, со своей партией. Вслед за ним несут тирс, украшенный цветами и лентами; тирс этот не что иное, как огромный вертел, на который насажен гусь, играющий важную роль в церемонии. За тирсом идут крестьяне, несущие подарки, и певцы, искусные, тонкие, долженствующие состязаться с певцами невестиной партии.

Жених возвещает о своем приходе выстрелом; потом принимаются искать входа, придумывают средство проникнуть в дом хитростью и наконец стучатся в дверь.

«Кто там?» — спрашивают из-за двери.

Бедные странники, утомленные дальней дорогой, или заблудившиеся охотники, умоляющие пустить их отдохнуть и погреться.

Им отвечают, что огонь погашен и что за столом им нет места. Их бранят, называют злодеями, людьми подозрительными, бездомными бродягами. Переговоры продолжаются долго:

разговор, всегда живой и бойкий, иногда бывает исполнен ума и даже поэзии. Спор кончается тем, что пришельцам советуют спеть что-нибудь для развлечения, или для того, чтобы согреться, если на дворе стоит время холодное. Но в том и другом случае они должны спеть что-нибудь новое и неизвестное для компании, которая слушает их за дверьми.

И вот начинается лирическая борьба между певцами жениха и певцами невесты, потому что у невесты есть свои певцы-искусники и в особенности поседелые певицы, старухи с голосом дребезжащим и разбитым, которым не так легко выдать старую песню за новую. Как скоро партия жениха запоет песню, известную певцам невесты, так те подхватывают ее и поют следующий стих, и тогда песня не годится и нужно тотчас же начинать другую. Иногда жених часа три мокнет под дождем, прежде чем его певцам удастся окончить хоть один куплет: так разнообразно собрание народных песен, так велик запас этих песен у сельских певцов. При всякой неудаче победители громко смеются, а побежденные разражаются бранью. Наконец победа остается на чьей-нибудь стороне, и приступают к свадебной песне:

Ouvrez la porte, ouvrez,
Mariée, ma mignonne,
J'ons de beaux rubans à vous présenter,
Hélas, ma mie, laissez-nous entrer.[1]

Женщины отвечают на это фистулой:

Mon père est en chagrin,
Ma mère est en grande tristesse.
Moi, je suis une fille de trop grand prix,
Pour ouvrir ma porte à ces heures-ci.[2]

Если слова этой песни слишком наивны, а стихосложений очень незатейливо, мотив зато великолепен, в своей торжественной простоте и непринужденности. Жених должен пропеть столько раз этот куплет и при третьем стихе назвать столько различных предметов, сколько у него свадебных подарков. Подарки эти и называются *ливреей* (livrées). При исчислении подарков нельзя ничего пропустить: все должно быть названо, не исключая и ста булавок, составляющих непременную принадлежность скромной свадебной корзинки. И на все это неподкупная невеста отвечает одно и тоже — что отец её грустит,

мать печалится, а она не может отворить дверь в такой поздний час.

Наконец поется последний куплет, и при словах *мы привели тебе доброго мужа* дверь отворяется. Но это только сигнал и начало настоящей борьбы: жених должен овладеть домашним очагом, воткнуть в него вертел и зажечь огонь. Партия невесты всячески противится этому и уступает только силе; женщины и старики влезают на скамьи и столы; испуганные дети прячутся куда попало, собаки воют, и посреди этого шума и гама раздаются ружейные выстрелы. Завязывается борьба, без гнева, неприязни, ударов и намеренных ран, но все-таки борьба, которая подстрекает самолюбие соперников и заставляет их напрягать все силы, так что редко случается, чтобы никто не пострадал во время суматохи. Битва кончается тогда, когда жених зажжет огонь на очаге и водрузит в него вертел с гусем, измятым и истерзанным во время сражения.

Вслед за тем жених подвергается последнему испытанию: невеста и с ней две девушки садятся рядом на скамейку и покрываются с ног до головы. Жених должен, не прикасаясь к ним, с первого раза узнать свою невесту. Если он ошибется, то теряет право танцевать с ней в продолжение целого вечера, а вечер состоит из танцев, ужина и пения до самого утра. Свадебный праздник продолжается беспрерывно, без отдыха, три дня и три ночи.

notes

Примечания

1

Отвори дверь, невестушка, отвори, голубушка: я принес тебе прекрасных лент. Ах, позволь войти нам, моя милая!

2

Мой отец грустит, моя мать печалится, а я не такая девушка, чтобы отворить двери в такой час.